

Кровное дело

Виктор Пелевин
написал роман
о вампиризме
с человеческим лицом

В ПЕРВОМ ЧТЕНИИ

Новый роман Виктора Пелевина называется «Empire V / Амфир В». Не совсем понятно: автор или издательство решили перевести empire как «амфир», то есть с французского, а не с английского. Хотя известно, что Пелевин большой англоман, обожает нашпиговывать свои тексты английскими цитатами и вообще слегка поигрывать мышцами недурного знания этого языка.

Павел
Басинский
Журналист

Пелевин становится все более традиционным писателем

Совершенно очевидно, что роман не об «амфире», а об «империи», то есть перевод надо было делать с английского. Неужели «имперскости» испугались?

Это роман о современных вампирах. О том, что людей создали не Бог и не естественный дарвиновский отбор, а жуткие кровососы. Ну примерно

как человек вывел породы коз и коров. Мы доим коров, вампиры доят нас.

Версия не из приятных. Впрочем, автор на ней не настаивает.

После предпоследней книги «Шлем ужаса», невозможно плоской, натужной, хотя местами ужасно смешной, мне показалось, что Пелевин как писатель скончался. Ушел в набор своих «фирменных», но стандартных приемов-приколов, за которые его и любят старшекласники, кроме Пелевина читающие еще «Муму», да и то по заданию учителя литературы. Приклеенный к Пелевину термин «интеллектуальная попса» начал оправдываться.

Последний роман сильно поколебал это чувство.

Пелевин жив. «Empire V» – книга серьезная, пронзительно современная. Как писатель он упрямо развивается, хотя этому мешает жесткая издательско-авторская установка на «один роман в год». Издатели «доют» Пелевина, как его вампиры людей.

К стилю амфир роман имеет

Пелевинские вампиры употребляют кровь в минимальных дозах, как источник информации о её носителе.

лишь косвенное отношение. Сцены вампирского бала (чуть-чуть от Булгакова – куда ж без него? – чуть-чуть от известной сцены карнавала из фильма «С широко закрытыми глазами»), пожалуй, амфирны. Но в романе нет монументальности, которая отличает этот стиль. Пелевин – не эпик. Его новая книга – довольно грустная сага о том, как люди старательно создают из мира благоустроенную тюрьму.

Чем лучше, чем «цивилизованней» мы живем, тем отчетливей прорисовываются стены этой тюрьмы. И неважно – отделаны они евравагонкой или сайдингом. Главное, что человек из этой тюрьмы не уйдет. Не потому, что не выпускают. А из-за того, что слишком много вложил в ее благоустройство.

Пелевинские вампиры – не классические вампиры. Они употребляют кровь в минимальных дозах, как источник информации о ее носителе.

(Кстати, мысль любопытная. Теоретически в ближайшее время всю информацию о человеке можно будет получать по составу его крови).

Чаще всего вампиры кусают друг друга, чтобы вызнать тайны

Чаще всего вампиры кусают друг друга, чтобы вызнать тайны коллег по «кровавому» цеху

коллег по «кровавому» цеху. Обижаются, дерутся на дуэлях в форме стихотворного состязания. Изучают «дискурс» и «гламур». С людьми в прямые контакты почти не вступают. На то есть «халдеи», посредники из людей, назначенные вампирами на высокие посты. Вампиры питаются «баблосом», изготовленным из энергетической субстанции: ее делают из денег, ради которых живут люди. Им они передают свою психо- и биоэнергию.

«Философия» Пелевина в чистом виде всегда скучна и непродуктивна. Его сила возникает в точке пересечения социальности и метафизики. Там все искрит и шипит, как при грубой сварке. Но это и есть тот самый Пелевин, которого мы любим или презираем. «Социально-метафизическая» проза – пелевинский конек. Это и есть его «амфир».

В конце романа возникает то, от чего Пелевин всегда бежал, как черт от ладана. Свет Истины. «Когда-то звезды в небе казались мне другими мирами, к которым полетят космические корабли из Солнечного города. Теперь я знаю, что их острые точки – это дырочки в броне, закрывающей нас от океана безжалостного света. На вершине Фудзи чувствуешь, с какой силой давит этот свет на наш мир».

«Вершина Фудзи» – это вершина земного успеха. Свет, который давит на мир, очевидно, свет Небесный. Это довольно странно для Пелевина. Не удивлюсь, если завтра он объявит себя православным писателем.

Позволю себе прогноз. От книги к книге Пелевин будет становиться все более и более традиционен. Это, положим, еще не доблесть, потому что и внешняя конъюнктура такова. Но почему-то мне кажется, что для Пелевина эта метаморфоза вполне органична. Так или иначе, но он является дальним-дальним (и, возможно, незаконным) родственником Достоевского. Так уж у нас повелось. Или мы от Толстого, или от Достоевского.

Следующий роман Пелевина будет называться, скажем, «Crime & Punishment». В переводе на русский: «Замочил – покаяйся».